

Сов. музыкант

16 октября 1985 г.

ВЫШЛА КНИГА

«ТЕАТРАЛЬНОСТЬ И МУЗЫКА»

Книга под таким названием, принадлежащая перу и. о. профессора нашей консерватории Т. А. Курышевой, посвящена теме столь важной и очевидной, что невольно думаешь: как же она не появилась раньше? Ведь факты, от которых отталкивалась исследовательница, — перед глазами у каждого. И главный из них — неуклонная, безостановочная, непрерывно ускоряющаяся визуализация культуры, очередной рубеж которой — освоение кассетного телевидения, накопление общественных и личных фондов видеозаписей. Как чувствует себя музыка в контексте изменяющейся культуры? Не повлиял ли он и на ее образный строй? Исследование Т. А. Курышевой многое объясняет в современном музыкальном искусстве.

При чтении книги невольно напрашивались параллели с работой В. Дж. Конен «Театр и симфония». Но удивительно, до чего же непохожи друг на друга эти труды, казалось бы, почти тождественные по теме! Источник непохожести — в различном историческом материале, а он воздействует и на теорию. У В. Дж. Конен в центре внимания эпоха барокко и классицизма. Книга Т. А. Курышевой пропитана современностью: со страниц книги звучит музыка Д. Шостаковича, А. Шнитке, Р. Щедрина и многих других советских композиторов. В обоих трудах в центре внимания оказывается плодотворное воздействие принципов театральности на музыкальное искусство. Но насколько отличен современный театр от театра барочного, настолько существенно иным оказывается и внутренняя театральность музыки — претворение в ней принципов театра. Особенности народного театра, балагана, театра представления (характерного для наших дней) неизбежно должны дать и в инструментальной музыке другие проекции, вызвать к жизни иные средства выразительности и приемы композиции, нежели претворение закономерностей театра сильных страстей, театра переживания. Такое новое понимание театральности, завоеванное XX веком, сказалось как в музыкально-театральных, так и иных вокальных и инструментальных жанрах музыки.

Черты широко понимаемой театральности и являются главным предметом интереса автора. О специфичности прочтения исследовательской темы могут дать представление уже названия ее шести глав: «Музыка во взаимодействии и синтезе искусств», «К понятию театральности», «Театральность и жанры музыки», «Зрелищное начало в музыке», «Игровая стихия», «Музыкальная режиссура».

Что же такое театральность в музыке? Ее сущность Т. А. Курышева усматривает в триединстве зрелищного начала, игры и музыкальной режиссуры. Каждому из этих трех частных понятий посвящаются отдельные главы, где они рассматриваются пристальнейшим образом. В пример можно привести главу об игровом начале. Автор обращается здесь к сущностному свойству игры — амбивалентности (двуплановости) реального и условного, создающей эффект острания. Здесь же изучаются средства воплощения игрового начала, в частности типы комического, но особенно подробно — гротеск, который стал подлинным открытием музыки XX века и позволил поставить и осмыслить глобальные проблемы бытия. Все исходные философско-эстетические положения автор детализирует, превращая их в рабочий инструмент собственно музыковедческого исследования

внутреннего мира музыки. Так, обратившись к одному из проявлений амбивалентности — двуплановости «прказа» и «осмысления» (решаемого средствами музыки переживания), автор разбирает самые различные случаи их взаимодействия в последовательности и в одновременности. Подобная же тщательная дифференцированность взгляда характеризует и другие главы.

Если в трех названных главах и логически предваряющей их главе «К понятию театральности» осуществляется проработка самой концепции автора, то в первой главе проблема театральности как бы выводится из контекста более общей идеи синтеза и взаимодействия искусств. А в третьей главе дается панорама претворения принципов театральности в различных жанровых сферах музыки — в опере, балете, вокальной музыке, концерте, симфонии. Автор разделяет открытую (внешнюю) и внутреннюю театральность. Усиление внешней театральности проявляется в увеличении компонентов синтеза в опере — в использовании кино, балета, пантомимы, в обращении к заимствованному от кино приему расщепления действия на реальное и воображаемое, в вокальной музыке — во введении чтецов-актеров, игрового действия, проникновения элементов балагана, мистерии, эстрады. Внутренняя театральность связана со свойствами самой музыки: главным в ней становится показ, а эмоциональный отклик есть следствие показа и несомого им смыслового обобщения.

Теоретическая проработка темы в логическом и современно-историческом аспектах сочетается с богатством музыкального материала.

Книга Т. А. Курышевой представляет большой интерес для нашей науки и учебной практики. Особенно она важна для интенсивно развивающейся в музыковедении 70–80-х годов теории художественного содержания музыки. Обращаясь к внешним связям музыки с другими искусствами, исследовательница проясняет тем самым и собственное содержание музыки. Такой метод познания осознан автором и четко сформулирован в самом начале книги.

Автор права в том, что в XX веке процесс ассимиляции опыта иных искусств в музыке отличается особенной широтой и многогранностью. С излишней категоричностью утверждается, правда, что в предшествующие века формировались собственно музыкальные законы нашего искусства. Ведь спецификация неспецифического — универсальная закономерность музыки. Романтические принципы балладности и поэзии в той же мере обязаны общехудожественному контексту, как и современная «монтажность» музыкального мышления — визуальным искусствам XX века.

Как и каждое интересное исследование, вторгающееся в неизведанную область, книга Т. А. Курышевой «разгоняет» мысль читателя, вызывает желание дальнейших уточнений. Хотелось бы, в частности, яснее представить, как театральность музыки соотносится с претворением других визуальных искусств, прежде всего кино и телевидения, как преломляются в музыке различные оттенки игры и др. Сами эти вопросы и желания — свидетельства того, что исследование Т. А. Курышевой открывает в затронутой ею теме широкие перспективы и новые пути движения музыковедческой мысли.

В. В. МЕДУШЕВСКИЙ,
и. о. профессора.